

В. В. Лапин

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

Участие местных жителей в боевых действиях на Кавказе на стороне российского правительства в XVII–XIX вв. является одной из малоизученных тем в истории этого региона. Книга о Дагестанском конном полке со всеми достоинствами и недостатками, характерными для «полковых историй», издававшихся в конце XIX– начале XX вв., — единственный пример обращения к истории национальных формирований, принимавших участие в боях на Северном Кавказе.¹ В советской историографии эти сюжеты старательно обходились как не укладывавшиеся в рамки схемы «национально-освободительного движения». Внимание переключалось на участие народов Кавказа в русско-турецких и русско-персидских войнах.² Военно-демократический строй большинства народов Северного Кавказа способствовал складыванию элементарной, но очень эффективной военной системы: «один мужчина — один воин». Постоянные военные тревоги, институт кровной мести, набег как средство существования, воинский подвиг как способ утверждения в обществе — все это вело к тому, что меткая стрельба, виртуозное владение холодным оружием, навыки скрытного передвижения считались достоинством каждого кавказского мужчины.

Для многих племен этого региона война не являлась экстремальной ситуацией, ей были во многом подчинены быт, устройство жилища, костюм и правила поведения. Горцы были природными воинами, и привлечение на свою сторону местных ополченцев давало российскому командованию формирования, прекрасно приспособленные к условиям маневренной горной войны.

Грузины имели прочные военные традиции, развитую систему военно-феодалных отношений, население многих районов в

стычках с разбойниками приобретало навыки обращения с огнестрельным и холодным оружием. Морально-этические нормы способствовали формированию высокого воинского духа, служба в армии была привлекательна для местного дворянства.³ Очень высокую боеспособность демонстрировали части, составленные из тушетов, пшавов и хевсуров.⁴

В первой половине XIX в. российское командование отказалось от идеи реформирования грузинской военной организации, которая сохраняла все черты средневековья: постоянная царская дружина, дворянское ополчение и мобилизация всего боеспособного населения при угрозе массированной интервенции. Более того, были забыты попытки реорганизации национальных вооруженных сил, проведенные последними царями Грузии.⁵

Военная организация мусульманских государств Закавказья, так же как и в Грузии, имела откровенно феодальный характер: беки и прочие представители светской знати в обмен на привилегии и «милости» должны были участвовать со своими вооруженными слугами во всех военных предприятиях своих владык. Здесь существовали группы служилого населения — маафы, военные нукеры, намнаузы, освобожденные полностью или частично от податей и повинностей и обязанные являться по тревоге на сборные пункты. Поскольку война в большинстве случаев сулила добычу и возможность подъема по социальной лестнице, в походы охотно шла молодежь из непривилегированных слоев.⁶

В Нахичеванской провинции были известны своей воинственностью кенгерлинцы — племя, насчитывавшее в 1839 г. 1270 семейств. Они «в постоянной готовности» имели 200 всадников, из которых 50 человек несли постоянную службу на пограничной кордонной линии. Правительство сочло справедливым освободить их от денежной подати, но сохранить натуральный оброк.⁷ Таким образом, на Кавказе существовала достаточно хорошо приспособленная к местным условиям военная организация, использование которой в своих целях стало одной из составляющих политики России в этом регионе.

Привлечение кавказских жителей к службе московскому царю началось в XIV в., когда так называемые «новокрещены», населявшие городок Терки и вошедшие впоследствии в Кизлярское терское войско, принесли соответствующую присягу. Это малочисленное формирование (178 человек в 1792 г.) исполняло в основном разведывательные и дипломатические функции, поскольку большинство служивших в нем знали горские языки.⁸ Для обороны крепости Моздок, строительство которой началось в 1763 г.,

правительство предполагало поселить вокруг нее особыми слободами чеченцев, кумыков, ногайцев при условии принятия ими христианской веры. Последнее трудно выполнимое условие в сочетании с возраставшей враждебностью горцев к русским были причиной того, что в 1792 г. в «Моздокской из горских народов казачьей команде» насчитывалось всего 95 человек. О бесперспективности вербовки местных жителей писал комендант Кизляра генерал-майор Н.А.Потапов: «...татары весьма ветреного состояния люди, безнадёжны, чтоб они могли быть верны, а будут дезертировать. И хорошего состояния или зажиточные ненадежно, чтобы пошло в казаки, а в сие набираться будут плуты и воры..., считается у них удачливый вор за преимущественного человека...»⁹

В 1718 и в 1732 гг. в грамотах, выданных кумыцким и кабардинским «владельцам», указывалось об обязательстве последних поддерживать своими отрядами действия царских войск.¹⁰

В 1786 г. предполагалось сформировать методом вербовки «войско из горских кавказских жителей... для содержания в зависимости горских кавказских жителей». На эту цель правительство собиралось выделить солидную сумму — 50 тыс. руб. в год. Через некоторое время задача была «уточнена»: в «поселенное» войско решили обратить Большую и Малую Кабарду. Кабардинцы должны были выставить 100 всадников для местной службы и 200 отборных всадников для дальних походов. Помогать в охране коммуникаций им должны были 300 ингушей и 500 осетин.¹¹

В конце 1840-х гг. в «замыренных» районах Дагестана формировалась милиция в составе 13–14 пеших и 15–17 конных сотен, которая отличалась высокой боеспособностью только при защите собственных селений.¹²

В материалах о боевых действиях в Дагестане упоминания об участии в походах местной милиции встречаются с 1820-х гг.¹³ В 1840 г. в составе дагестанского отряда действовали 2 сотни грузинской милиции и 175 человек милиции самурской, табасаранской, каракайтахской, казикумухской, куринской и акушинской. Столь пестрый состав такого небольшого подразделения говорит о том, что это, вероятнее всего, была ватага удальцов из различных племен.¹⁴ В 1839 г. большой отряд под командой мюрида Сурхай-хана напал на аул Коло, который защищал отряд мехтулинской милиции. Мехтулинцы при поддержке подошедшей на помощь аварской милиции отбили нападение с большими потерями у неприятеля.¹⁵

В марте 1839 г., когда Шамиль с большим отрядом занял Гимры, шамхал с 2000 милиционеров занял позиции для воспрепят-

ствования, хан Мехтулинский с 3000 милиции расположился на своих границах. Все это с учетом приближения русских войск заставило Шамиля отказаться от дальнейших активных действий и распустить отряд.¹⁶

В 1840-е гг. — практически в каждом отряде, действующем в Дагестане, был отряд местной милиции.¹⁷ В большинстве военных реляций о боях в Дагестане и Восточной Чечне фигурирует милиция кубинская, кюринская, ширванская, казикумухская и кайтагская.¹⁸

В походе отряда Граббе в 1841 г. на Чечню участвовала дигорская, кумыкская, кабардинская и чир-юртовская милиция. (Юров А., с. 237—240).¹⁹ В походе на галашевцев в том же году участвовала осетинская милиция (300 человек) и назрановская милиция (1100 человек).²⁰

В 1863 г. начальник Терской области считал возможным набрать 20 сотен милиции, в том числе 4 сотни из чеченцев. В сражении при Ахульго против Шамиля действовало около 3000 милиционеров из народов Кавказа.²¹

В походе августа 1847 г. на аул Салты против войск Шамиля участвовала ахтынская, казикумухская, чохская, аварская, кюринская, кайтагская, табасаранская милиция, кубинские военные нукары.²² В отличие от Дагестана, на правом фланге кавказской линии милиция как таковая почти не участвовала в боевых действиях. Иногда собирали группу в 50—100 всадников, которые служили в основном проводниками, и распускали их по домам сразу после окончания похода.²³

Действия Шамиля на Восточном Кавказе, выразившиеся в жестоких мерах против уклонявшихся от борьбы с русскими, привели к появлению в этом регионе большого числа людей, которые готовы были сражаться с имамом. В 1842 г. около двухсот воинов, враждебных Шамилю, сформировали отряд, получивший название «Дагестанские всадники». Их успешные действия и постоянный приток бежавших из стана непокорных горцев натолкнули начальника края князя М.З. Аргутинского-Долгорукого на мысль приступить к вербовке полка, который, в отличие от милиции, был бы в постоянной боевой готовности. 1 мая 1852 г. в российских вооруженных силах появилась новая часть — Дагестанский конно-иррегулярный полк. Первоначально полк состоял почти исключительно из аварцев, язык которых до конца 1870-х гг. был командным. Постепенно в его составе стали появляться представители других народов Кавказа, а также всякого рода искатели приключений. Так, среди 144-х офицеров, состоявших в списках части с 1855 по 1907 г., русских было 26(18,1%), аварцев — 49(34,1%),

кумыков — 14(9,7%), грузин — 14(9,7%), армян 11(7,6), осетин — 9(6,3%), лакцев — 3(2,1%), ингушей — 2(1,3%).²⁴ При этом более половины офицеров — «некавказцев» по национальности были либо уроженцами этого края, либо до поступления в полк много лет здесь служили. Все командиры полка кроме одного были из числа местных жителей.

Установить строгую дисциплину в полку было практически невозможно уже потому, что значительная часть служивших в нем имела уголовное прошлое как по местным, так и по российским законам: «...в полк охотнее принимали даже людей, наделавших в горах какие-нибудь проказы: убийство, поранение, ссоры с наибом и т.п., так как знали, что им трудно вернуться в горы и потому считали более надежными для службы в полку». ²⁵ О привычках всадников этой части красноречиво говорит рапорт князя Орбелиани командиру Отдельного Кавказского корпуса от 11 марта 1854 г.: «В последнее время ... весьма часто стали случаться побегі всадников в горы; почти все аварцы, вышедшие с Хаджи Муратом и потом зачисленные в полк, бежали к непокорным горцам по той причине, как говорят их товарищи, что спокойное положение края отнимает у них возможность вести привычную их боевую жизнь». Далее Орбелиани просит разрешения отпускать чинов полка в набеги на непокорных горцев.²⁶

Не только среди рядовых воинов, но и среди военных предводителей иррегулярных формирований встречались люди с непростым прошлым. Так, в одном из конно-мусульманских полков командиром сотни был карабахский бек Умбай, приговоренный некогда российским военным судом к повешению за разбой. И.Ф. Паскевич помиловал разбойника, который и на войне проявлял ту же дерзость и изобретательность.²⁷

На 1 января 1869 г. в составе Российской армии в семи национальных формированиях (Дагестанский конно-иррегулярный полк, Кутаисский конно-иррегулярный полк, Дагестанская постоянная милиция, Кутаисская постоянная милиция, Терская постоянная милиция, Гурийская пешая сотня, Грузинская пешая дружина) числилось 118 офицеров и 4288 нижних чинов. Примечательно, что соотношение численности христианской и мусульманской милиции было практически равным — 56 и 44 %.²⁸

Национальные милиции по-прежнему играли более чем скромную роль в вооруженных силах империи — они составляли 0,38% состава мирного и 0,15% состава военного времени.

В декабре 1828 г. началось комплектование лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, о целях создания которого шеф

жандармов А.Х. Бенкендорф откровенно писал командиру Отдельного Кавказского корпуса Розену: «...Напитанный дикостью и раздражительный горский народ, враждующий с русскими, не может познать истинной причины беспрестанной вражды и удостоверить в желании Российского государя не уничтожать свободу горцев, а напротив того, даровать благоденствие, каким пользуются и другие его подданные.

Чтобы внушить предварительно хотя некоторым из них эти благотворные виды, должно стараться приготовить их в положении, в котором спокойствие души дает возможность человеку выслушать и вникнуть в то, что ему объясняют. На этом основании сформирован был лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон и, чтобы более доказать горцам желание государя императора прекратить вражду, назначен в Собственный Его Императорского Величества Конвой».²⁹

Александр II не оставил идею своего отца иметь конвой символом царской службы кавказских народов. Он отметил в специальном указе необходимость привлечения в него выходцев из «знатнейших и почетнейших фамилий». Служить в конвое могли только лица, не утратившие связи со своими племенами и родами, для чего предписывалось набирать конвойцев только прямо на Кавказе, не допуская зачисления в его состав обрусевших или поселившихся во внутренних губерниях. Отбор производился в несколько этапов: сначала местные воинские начальники на Кавказской линии, затем — командир Кавказского корпуса и, наконец, чины Главного штаба. Офицером конвоя можно было стать после окончания военно-учебного заведения или двухгодичной службы в армейском полку. Исключение делалось для «...отличившихся на Кавказе из почетнейших тамошних фамилий».³⁰

С окончанием Кавказской войны полуэскадрон, теперь именованный 4-м эскадром конвоя, «...тоже утратил свое прежнее значение проводника мирных идей культуры и цивилизации среди своих соплеменников, внушения им уважения и покорности русскому престолу».³¹ Развитие во второй половине XIX века системы военно-учебных заведений, упрочение власти России на Кавказе и в Закавказье, комплектование милиционных и регулярных частей уроженцами этого края решили в целом проблему определения на военную службу грузин, армян и азербайджанцев. Конвой утратил статус единственного центра обучения «азиятцев». Не могли не сказаться на судьбе этой части и националистические взгляды Александра III, и ужесточение требований к режиму охраны императора и его семьи. 1 февраля 1882 г. лейб-гвардии Кав-

казско-горский эскадрон был упразднен, все офицеры получили следующие чины, пожизненный пенсион в 1200 руб. и были зачислены по кавалерии. Все рядовые получили чин прапорщика милиции.

Всего за время своего существования конвой стал школой для военного обучения 754 офицеров-«азиятцев», из которых 524 вышли корнетами в кавалерию, а 230 — прапорщиками в милицию.³² Все производимые из конвоя должны были прослужить 1 год в образцовом армейском полку и сдать экзамен.³³

Эффективность действия милиции следует рассматривать в каждом конкретном случае. В 1843 г. в составе так называемого Самурского отряда под командованием князя Аргутинского среди прочих национальных войск была казикумухская милиция (1300 пеших и 400 конных воинов), действовавшая очень храбро в наступлении, но уступавшая регулярной пехоте в стойкости.³⁴

В бою за аул Ишкарты 10 июля 1840 г. мехтулинская милиция была «мгновенно» опрокинута и рассеяна конницей горцев, а шамхальские милиционеры вообще наотрез отказались идти в атаку и остались в укрепленном обозе. Милиция Елисуйского хана активно участвовала в делах Самурского отряда весной 1842 г. Милиционеры воевали так храбро, что командир отряда из 49 знаков военного ордена, испрошенных для награждения нижних чинов, 14 знаков собирался выделить милиции.³⁵ Мехтулинская милиция вела себя весьма вяло в бою и весьма активно при разорении аула Целъмес после того, как его покинули защитники.³⁶ Анализ свидетельств о поведении национальных формирований позволяет сделать следующий вывод: милиционеры, в отличие от регулярных войск, не отличались стойкостью, боевой энтузиазм мгновенно мог смениться паникой, бездействие и неудачи деморализовали ополченцев, которые хорошо себя проявляли в тех случаях, когда они «ловили кураж» или рассчитывали на богатую добычу. Участие национальных милиций (ополчений) на стороне русских полностью зависело от того, насколько это соответствовало интересам самих этих народов (племен, родов). Если их интересы совпадали, союзники из числа горцев оказывались весьма полезны. Так, в 1805 г. отряд осетин под командованием старшин Колахова и Дударова вместе с войсками подполковника Максимовича совершил налет на чеченские аулы. И для русских, и для осетин это был ответ на чеченские набеги.³⁷ Так же охотно вместе с русскими войсками шли против лезгин тушины — вечные жертвы их набегов.

Для кавказских жителей служба в милиции могла обернуться

большими проблемами из-за кровной мести. В случае гибели «при исполнении» он ставил свой род в положение, враждебное к роду убийцы, и наоборот, подстрелив противника на службе, он навлек на свой род большие неприятности.

Плен для милиционеров означал расправу только в том случае, если противник был рассержен особо какими-то действиями тех, кто сражался на стороне русских. В 1842 г. казикумухский замок был сдан изменниками, в результате чего в руках мюридов оказались кроме русских солдат 45 ахтынцев-милиционеров и 20 нукеров. Русских раздали по аулам, ахтынцев отпустили, а нукеров изрубили шашками.³⁸

Участие национальных формирований в боевых действиях способствовало тому, что война приобретала откровенно «азиатский» характер. В одном из походов 1832 г. в походе против закубанцев участвовали и мирные горцы. 34 пленника были «...отданы мирным нашим взамен понесенной ими потери».³⁹ Трудно представить себе такое на европейском театре войны.

Нельзя преувеличивать «умиротворяющее» воздействие на горцев службы под царским знаменем. Генерал-майор Горский в рапорте кн. Воронцову от 20.05.1846 указал, что снисходительное отношение к «шалунам» в джаро-белоканском округе привело к тому, что в 1844—1846 гг., считавшихся «мирными», здесь было убито 72 человека, 68 ранено, 74 взято в плен, угнано в одно только 1844 г. 13 тысяч баранов. Среди «шалунов» было немало тех, кто считался офицером милиции. Горский предложил всех уличенных в измене носителей военных чинов предавать военно-полевому суду и приговаривать к смертной казни.⁴⁰

Служба в милиции не была порукой тому, что жители Кавказа становились смирными и благонамеренными подданными. Создается впечатление, что процент наказанных за различные преступления среди милиционеров был даже выше, чем среди простого населения. Это можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, состояние в милиции сразу создавало напряженные отношения между милиционером и теми лицами, которые враждебно относились ко всему, что было связано с властью русских. Отсюда — высокая вероятность конфликтов. Во-вторых, милиционеры очень часто своеобразно понимали свои права, не церемонясь с имуществом и даже жизнями местных жителей. В-третьих, хотя милиционная организация и очень близка была к привычным традиционным формам военной и социальной организации, постоянное вмешательство военного начальства перманентно создавало конфликтные ситуации. Возникла даже потреб-

ность в специальном законе о процедуре лишения наград горцев, ссылаемых за уголовные преступления за «постыдные поступки» и как «люди, вредные в крае».⁴¹

Привлечение местных жителей на свою сторону, поиск среди туземных владетелей союзников не является чем-то экстраординарным в военной истории, и здесь выступление грузин, азербайджанцев, осетин, кабардинцев, чеченцев и дагестанцев под российскими знаменами не является каким-то феноменом. Участие горцев в боевых действиях на стороне правительства нельзя объяснить только алчностью наемников и неумеренными амбициями вождей-предателей.

Русские войска пришли не в наслаждавшуюся покоем и миром Аркадию, а в край, где стоимость человеческой жизни была очень невысока, где кровавые междусобицы были неотъемлемой частью быта, где участие в набегах, приобретение военной добычи являлось лучшим доказательством социальной зрелости мужчины. Лезгины грабили Кахетию, владетели Восточного Кавказа находились в состоянии перманентной войны друг с другом, осетины враждовали с кабардинцами и ингушами, ингуши имели сложные отношения с кабардинцами и чеченцами, ногайцы были для черкесов то союзниками, то агрессорами, то жертвами. Гурийцы, мингрелы, имереты, сваны, хевсуры, пшавы, тушины, картвелы, объединяемые в понятие «грузины», не могли похвалиться мирными взаимоотношениями. Прибавим сюда турок, персов и крымский татар, межплеменные и межродовые распри. Так, в разгар Кавказской войны русский офицер-разведчик был свидетелем того, как в абазинский аул привезли тела четырех джигитов, убитых кабардинцами за попытку угнать табун. «Пользуясь между горцами репутацией отъявленных разбойников, они за пределами своих крепких гор находились в постоянной опасности быть перебитыми без всякой жалости».⁴²

Русские войска, ведая то и не ведая, оказывались союзниками одной из конфликтующих сторон, причем частыми были такие ситуации, при которых защищаемые оказывались жертвой нападения не без провокации со своей стороны. Справедливости ради надо сказать, что не только русские использовали горцев в своих целях, но и горцы умело встраивали правительственные войска в свои распри. В 1857 г. один из лазутчиков, преследуя свои цели, направил действия русского отряда на аулы своих обидчиков-кровников.⁴³ Трудно перечислить, сколько раз казаки и армейские отряды выступали в поход, чтобы наказать немирных горцев за набеги на мирных, которые, чувствуя за своей спиной поддержку, становились бичом для своих соседей.

Союзнические и добровольные формы военного сотрудничества плавно перетекали в обязательства выставлять воинские формирования по требованию русского командования.

В ряде случаев горцы, вступая в бой с противниками России, сражались исключительно за свои интересы, без всякого побуждения со стороны царского командования. Так было, например, при разгроме Шамиля при ауле Хунзах, в котором жили в основном беглецы из всех обществ Кавказа, так называемые абреки, которые скрывались от правосудия (по местным обычаям) под крылом отважной аварской ханши Паху-бике. За эту победу всему аварскому народу было пожаловано георгиевское знамя.⁴⁴

Российская армия на всем протяжении завоевания Кавказа испытывала острый дефицит живой силы, и каждый воин дорогого стоил в дни военной тревоги. Высокая маневренность противника, тогдашний уровень средств разведки и связи вынуждал командование создавать сеть сторожевых постов, крайне уязвимых в случае нападения сколько-нибудь значительного отряда. Использование на этих постах милиционеров решало проблему.

Сезонный характер боевых действий предполагал наличие такой же «сезонной» армии, какой являлась туземная милиция. При всех своих недостатках национальные формирования были прекрасно приспособлены к действиям в горных условиях, что часто делало их просто незаменимыми в отрядах правительственных войск. Наиболее эффективным средством борьбы с отрядами горцев, ведущими партизанскую войну, оказались боевые группы, состоявшие из милиции и регулярных войск. Первая обеспечивала эффективную разведку, своевременное преследование, а вторые играли роль подвижного бастиона. В тех случаях, когда местная милиция хотела воевать и пользовалась поддержкой регулярных войск или казаков, она была просто непобедима. Так, в 1862 г. во время одного из рейдов на Западном Кавказе отряд черкесской милиции постоянно брал верх над отрядами абадзехов, прибегая в случае необходимости к поддержке со стороны регулярной армии.⁴⁵

Боевые действия часто проходили в виде карательных экспедиций, по своей форме ничем не отличавшихся от грабительских набегов, до которых в этом крае было немало охотников. Использование национальных формирований было одним из проявлений известного имперского девиза «Разделяй и властвуй». Одной из причин сбора милиции Ермолов считал посев розни между местными племенами. В 1819 г. он открыто писал о формировании шамхальской и мехтулинской милиции: «...потому приказал собрать оную, чтобы возродить вражду к ним акушинцев и возбу-

дуть раздор, полезный на предбудущее время». ⁴⁶ В 1821 г. Ермолов настоял на участии бабуковцев (кабардинцев, переселившихся на казачьи земли) в походе на кабардинские аулы. При этом он приказал «...из получаемой добычи в делах, где будут находиться бабуковцы, непременно давать им некоторую часть оной, а если не захотят брать, то принуждать к тому». ⁴⁷ Посылка щекинской, ширванской и карабахской милиции не только усиливала отряд генерала Мадатова, посланный в 1819 г. в Табасарань, но и «...не меньшую принесла пользу, служа залогом в поведении ханов». ⁴⁸

В декабре 1819 г. генерал Ермолов во время похода против акушинцев имел в составе своего отряда не только татарскую (азербайджанскую) конницу, но и 3000 пехотинцев, набранных в «...селениях, принадлежавших родному брату изменника аварского хана». Таким образом, использовались не только межплеменные осложнения, но и родственные распри. ⁴⁹ В 1826 г. во время похода в район чеченского аула Гехи в состав отряда вошли ингуши, отличавшиеся неприязненным отношением к «немирным» чеченцам. ⁵⁰ В 1830 г. для похода против восставших лезгин к регулярным войскам присоединилась милиция Щекинской провинции. «... и этот дар случая был для нас приятен, во-первых, потому, что джарцы имели у себя перед глазами тех единоверцев, которых считали своими приятелями..., а во-вторых, потому, что отвлечение такого большого числа щекинцев из мусульманских провинций было крайне необходимо...» ⁵¹ В походе 1850 г. против чеченцев участвовала осетинская и ингушская милиции, при этом следует помнить, что угрозе нападения со стороны чеченцев подверглись именно аулы ингушей. ⁵²

В 1839 и 1845 г. несколько сотен осетин было направлено против отрядов Шамиля. В 1830 и 1850 гг. осетины одних племен использовались для подавления выступлений «других» осетин. ⁵³

Иногда русское командование привлекало местные ополчения в «политических» целях. В 1819 г. генерал Ермолов приказал отправить в поход на Акушинское общество конницу Ширванского, Карабахского и Щекинского ханств, обеспечивая тем самым верность этих владетелей, которые могли нанести удар в спину его группировке. ⁵⁴

Не все авторитетные кавказские военачальники были сторонниками национальных формирований. А.А. Вельяминов предостерегал от массового привлечения горцев в иррегулярные войска, советовал ограничиться сбором туземных отрядов для отдельных экспедиций в горы, был противником формирования постоянных частей из горцев. При этом он ссылаясь на печальный опыт Рим-

ской империи, доверившей охрану своих границ наемным отрядам варваров. Польза от таких полков казалась ему сомнительной, а сама затея — очень дорогой. Он считал, что «...составить из них войско, имеющее какое-нибудь устройство, подчинить их порядку и дисциплине, помирить их с понятием о всегдашней готовности к службе по первому требованию: это не иначе может быть сделано, как изменив их понятия, их образ жизни, их обычаи и предрассудки, укоренившиеся веками... Мусульманские полки собственно на кавказской линии могут быть более вредны, чем полезны. Мы имеем в Волгском полку Бабуковскую станицу, составленную большей частью из кабардинцев и абазинцев. До сих пор мы не можем прекратить сношения их с неприязненными нам горцами, хотя станица сия находится под надзором русского полкового командира. Кизлярский полк, составленный из татар, учрежденный с давних лет, не прерывает связей своих с кумыками и Дагестаном. Казаки сего полка нередко бывают в воровских связях с заграничными хищниками, а некоторые изобличены в измене во время возмущения Кази-муллы. Из числа казаков Бабуковской станицы несколько человек находится в бегах у горцев, служат им провожатыми и доставляют им по крайней мере продовольствие из станицы... Учреждение полков из кочующих в кавказской области народов и покорных горцев должно иметь подобные последствия... Не отвергаю, однако же, что горцы могут иногда с пользой употребляемы быть в экспедициях наших. Но для сего не нужно формировать из них полков, достаточно набирать их на время экспедиции. Многие полагают, что, заставляя сражаться мусульман друг против друга, мы можем возродить между ними ненависть. Мнение сие кажется мне ошибочным. Сколько раз употребляли мы кумык против чеченцев, чеченцев против кабардинцев, сии последние употреблены были против закубанцев, закубанские ногайцы против абадзехов и шапсугов, но это не произвело до сих пор ни малейшей между ними неприязни. Все готовы помогать друг другу к ниспровержению владычества нашего, коль скоро находят хотя малейшую к тому возможность». ⁵⁵

Привлечение горцев на военную службу уменьшало количество «горючего материала». На Кавказе было немало людей, которых прекращение междусобиц и запрещение набегов оставляло без средств к существованию. Существовала проблема «удальцов» — людей, не видевших другого способа занять достойное положение в горском обществе как с помощью винтовки и кинжала. Именно эти люди становились зачинщиками и первыми

участниками всех беспорядков и восстаний. Военная служба позволяла установить какой-то контроль над ними и направить их энергию в направление, согласное с видами правительства. В 1830 г., например, против джарских лезгин была направлена милиция Шекинского ханства не потому, что без нее не могли обойтись, а потому «...что отвлечение такого большого числа шекинцев из мусульманских провинций было крайне необходимо».⁵⁶ Так, Дагестанский конный полк уцелел после 1859 г. в основном потому, что местные власти опасались «безнадзорности» тех элементов, которыми комплектовалась эта часть. Д.А. Милютин в своих воспоминаниях указывал, что «...формирование этих милиций из туземцев приносило двойную пользу: давало возможность уменьшать наряд казаков и вместе с тем извлекало из туземного населения и дисциплинировало именно тех бездомных сорванцов, которые обыкновенно являются первыми зачинщиками в народных волнениях и мятежах».⁵⁷ Умиротворение Центрального Кавказа обострило проблему так называемых «удальцов». В ноябре 1859 г. начальник Дагестанской области Л.И. Меликов писал наместнику: «...Обаяние удальства, надежда на добычу, награды, установленные Шамилем за военные подвиги, сильно способствовали к образованию между горцами чисто военного сословия, не имевшего других занятий кроме частых набегов... Образовавшееся таким образом сословие с умиротворением Дагестана осталось совершенно без всякого дела и значения, а главное и без средств, которые давала им война, по мере отличий, в ней оказываемых...»

Они не могут быть довольны настоящим положением, уравнявшим их с массою простых земледельцев и даже своих соратников, ходивших на войну только по приказаниям, и потому под притворною покорностью будут всегда тайными врагами нашими... Поэтому считаю делом первостепенной важности теперь же занять таких людей службою, которая, отличив их от массы, давала бы им безбедные средства к жизни».⁵⁸

В своих действиях против непокорных горцев русское командование постоянно прибегало к помощи местных жителей, по какой-либо причине считавших возможным совместное предприятие с «неверными». Практически всегда это было проявление застарелой вражды или желание не пропустить удобный случай ограбить соседа с санкции властей, запрещающих в общем-то грабежи, и при поддержке регулярных войск. Так, в 1819 г. при усмирении возмущившейся Табасарани действовали отряд Аслан-Хана Кюринского и отряд, составленный из жителей самой этой провинции.⁵⁹ В

марте 1822 г. в походе на восставших лезгин в отряде генерал-майора Эрнстова состояло несколько сотен грузин и татар (азербайджанцев).⁶⁰ В январе того же года в карательной экспедиции против кабардинцев участвовало 200 чеченских всадников, а в походе против закубанцев (адыге, черкесы. — В. Л.) согласились участвовать ногайцы и кабардинцы.⁶¹ В 1822 г. в походе на непокорных чеченцев, живших за рекой Аргун, из Грозного был отправлен отряд из 500 пехотинцев, 400 казаков и 500 чеченцев, признавших российское подданство.⁶² Мирные чеченцы, входившие в отряд кн. Барятинского, во время боев летом 1851 г., очень активно действовали против «немирных», пользовались случаем для сведения старых кровных счетов. Этим они закрывали себе дорогу назад [К.С., т. 21, с. 36—37]. В походе 1855 г. на табасаранские аулы принимала участие кубинская, кюринская и кайтагская милиция.⁶³ В этой связи привлекает внимание тот факт, что во время пленения Шамиля последний потребовал, чтобы мусульманскую милицию отвели за линию русских войск, что и было сделано. Это было последнее требование заблокированного имама. Вероятно, Шамиль всерьез опасался того, что среди милиционеров найдутся те, кто попытается использовать удобный момент для сведения счетов.⁶⁴ Возможно, Шамиль не желал усугублять позор плена насмешками «изменников», вставших под знамена «гяуров», или признавать того, что он не является защитником интересов всех горцев.⁶⁵

На формирование милиции большое влияние оказывало общее настроение народа. Так, недовольство жителей казикумукского ханства действиями русского начальства весной 1838 г. едва не сорвало сбор милиции, которая до того охотно участвовала в набегах.⁶⁶ Шамхал Тарковский в 1840 г. решил выставить 500 милиционеров, но генерал Клюгенау, имевший информацию о недовольстве кумыков расходами на милицию, предложил сократить отряд наполовину. Тем не менее, не удалось собрать к нужному времени и этого числа из-за нежелания населения воевать и тратиться на войну.⁶⁷

Участие казикумукской, кюринской, шамхальской и мехтулинской милиции в походах русских войск, равно как и преданность этих ханов России, во многом объясняется тем, что географические условия этих территорий делали практически любую точку доступной для русских отрядов в любое время года. Жители ханств могли смело действовать на стороне русских, не опасаясь мести со стороны того же Шамиля, так как всегда могли получить помощь правительственных войск.⁶⁸

Одним из путей использования военного потенциала местного населения считалось включение туземцев в состав казачьих войск, тем более, что это соответствовало давней отечественной традиции. Однако на Кавказе местные жители выбирали не между положением бесправного крестьянина и «вольного» казака, а между статусом свободного горца и служилого человека. Знаток Кавказа генерал Вельяминов в рапорте главнокомандующему Розену от 18.04.1837 по поводу устройства Лабинской линии и причисления горцев к казачьему сословию указывал на то, что массированное причисление горцев к казакам только усилит взаимную враждебность. Он выступал за осторожное, постепенное сближение тех и других, за прием в станицы беглых горцев, за привлечение их к боевым действиям вплоть до доверия им командовать отрядами казаков. Вельяминов призывал не записывать горцев в казаки, не принуждать их к службе, но в то же время награждать, давать жалование, фураж и провиант наравне с казаками, если горцы будут участвовать в походах.⁶⁹

Национальные формирования участвовали в Кавказской войне на стороне правительства с первого до последнего дня, но играли откровенно второстепенную роль в боевых действиях. Милиция, ополчения и постоянные части комплектовались исключительно на добровольной основе, причем использовались традиционные формы военной организации. В этих формированиях были представители всех без исключения народов Кавказа и Закавказья. Их участие в боях под российскими знаменами являлось продолжением той перманентной войны, которая велась в этом регионе задолго до появления там русских полков.

Постоянная война, шедшая на Кавказе, не грозила населению тотальным уничтожением, поскольку механизмы возникновения конфликта были уравновешены механизмами умиротворения. Военные обычаи горцев, их вооружение, организация походов и т.д. имели массу принципиальных отличий от действий европейской военной машины, которой являлась армия России. Применение национальных формирований позволило до некоторой степени исправить сложившуюся ситуацию. Образно говоря, милиция была не в состоянии тушить пожар крупномасштабного конфликта, но могла заботиться о том, чтобы тлеющие угли не вызвали очередную вспышку. Это было особенно важно на последних этапах войны.

Хотя нет сколько-нибудь достоверной статистики участия горцев в национальных формированиях, в целом можно выстроить следующую линию (по мере убывания): осетины, кабардинцы, ку-

мыки, лезгины, аварцы, ингуши, чеченцы, абазинцы. Эта линия совпадает с «показателем» упорства сопротивления, но позволяет выдвинуть гипотезу о том, что неучастие национальных формирований в боевых действиях на Западном Кавказе и их эпизодическое применение в Чечне было как одним из главных проявлений непримиримости населения этих регионов, так и причиной, по которой правительственные войска не могли взять верх.

¹ Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.

² История народов Северного Кавказа. М., 1988; Муталиев Т. Х. Б. Чеченцы и ингуши в русско-турецкой войне 1877—78 гг. Грозный, 1978; Санакоев М. П. Из истории боевого содружества русского и осетинского народов. Цхинвал, 1987; Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ, 1995; Акиев Х.А. Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877—78 гг. // Вопросы истории, 1980, № 1.

³ Чхатарайшвили К.А. Социальная сущность военной организации феодальной Грузии. Тбилиси, 1987.

⁴ Волконский Н.А. Война..., // Кавказский сборник (далее — К. С.), т.12, с.169; Баратов, князь. Нашествие скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 году // К.С. т.1, с. 241—243, 262.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), т. 2, с. 409; Дубровин Н. Закавказье..., с. 35—36; АКАК, т. 1, с. 173.

⁶ Доклад военного министра князя А.И. Чернышева Николаю I. 1846 год. «О порядке воинской службы членов высшего мусульманского сословия за Кавказом» // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. 2. М.—Л., 1937, с. 34, 81—84; Там же, ч. 1, с. 68, 85—87.

⁷ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч.1. М.—Л., 1936, с. 156—158.

⁸ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества СПб., 1996, с. 78—79, 110.

⁹ Сборник РИО, т.115, с. 473.

¹⁰ ПСЗ 1, № 3190, № 6123.

¹¹ ПСЗ 1, № 16377, 16432.

¹² К.С., т.14, с. 481—482.

¹³ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе. Т.11, с. 74.

¹⁴ Юров А. К.С., Т.11, с. 19; Потто В.А., т. 2, с. 205—206, 213.

¹⁵ АКАК, т. 9, с. 321.

¹⁶ АКАК, т. 9, с. 325.

¹⁷ АКАК, т. 9, с. 382 — 385, 387, 390, 394.

¹⁸ Ржевусский А. 1845-й год на Кавказе // К.С. т. 6, с. 350, 461, 465.

¹⁹ Там же.

- ²⁰ Юров А. Т.11, с. 285.
- ²¹ АКАК, т. 9, с. 269, 896; т. 10, с. 451, 519; Даниялов Г.А. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Т. 1. Махачкала. 1956, с. 166—168.
- ²² Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане // К.С. т. 6, с. 562.
- ²³ Р.С., т. 50, 1886, с. 581.
- ²⁴ Козубский Е.И. Ук. соч., с. 350.
- ²⁵ Там же, с. 44.
- ²⁶ Там же, с. 139.
- ²⁷ Потто В.А., т. 4, с. 348.
- ²⁸ Военно-статистический сборник, 1869, № 12, с. 116.
- ²⁹ Петин С. Собственный Е. И. В. конвой. Исторический очерк. СПб., 1899, с. 49.
- ³⁰ ПСЗ 11, №31149, 18.11.1856.
- ³¹ Петин С. Ук. соч. с. 158.
- ³² Петин С. Ук. соч., с. 242.
- ³³ ПСЗ 11, № 27535. ПСЗ 111, т. 9, № 5826, 6.03.1889. ВУМГС.
- ³⁴ Юров А. 1843-й год на Кавказе // К.С., т. 6, с. 89, 93.
- ³⁵ ДГСВК, с. 296, 338—340.
- ³⁶ Юров А. Т.11, с. 227.
- ³⁷ Зубов П. Ук. соч., с. 129.
- ³⁸ К.С., т.19, с. 222—223.
- ³⁹ АКАК, т. 7, с. 732.
- ⁴⁰ АКАК, т. 9, с. 350—351.
- ⁴¹ ПСЗ 11, № 37123, 18.06.1861.
- ⁴² Воспоминания Кавказского офицера // Русский вестник, 1864, № 11, с. 11.
- ⁴³ К.С., т. 2, с. 248.
- ⁴⁴ Волконский Н. А. // К.С., т. 11, с. 172—173, 175.
- ⁴⁵ Хагандоков. Из записок черкеса // Военный сборник, 1867, № 3, с. 95—104.
- ⁴⁶ Потто В.А., т. 2, с. 231.
- ⁴⁷ Там же, с. 362.
- ⁴⁸ Ермолов А.П. Ук. соч., с. 332.
- ⁴⁹ Зубов П. Ук. соч., т. 2, ч. 3. с. 54.
- ⁵⁰ Там же, с. 223.
- ⁵¹ Волконский Н. А. Война. // К.С., т. 12, с. 170.
- ⁵² К. Летучий отряд... // К.С., т. 12, с. 351, 364.
- ⁵³ Цховребов И.Н. Осетины на военной службе в русской армии в XVIII—XIX вв. АН ГССР, т. 12, 1963, с. 30.
- ⁵⁴ Зубов П. Ук. соч., т. 2, ч. 3, с. 24.

- ⁵⁵ Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27.07.1832. А.А. Вельяминов. К.С., т. 7, с. 132—133.
- ⁵⁶ К.С., т. 12, с. 170.
- ⁵⁷ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860—1862. М., 1999, с. 262.
- ⁵⁸ Там же, Козубский, с. 50.
- ⁵⁹ АКАК, т. 6, ч. 2, с. 72; К.В., с. 160.
- ⁶⁰ Зубов П. Ук. соч., т. 2, ч. 3, с. 97.
- ⁶¹ Там же, с. 100, 107.
- ⁶² Там же, с. 120.
- ⁶³ Солтан В. Обзор // К.С., т. 12, с. 496.
- ⁶⁴ Богуславский Л., с. 313.
- ⁶⁵ Волконский Н.А. Окончательное покорение Кавказа // К.С., т. 4, с. 424.
- ⁶⁶ ДГСВК, с. 181.
- ⁶⁷ ДГСВК, с. 273—274.
- ⁶⁸ ДГСВК, с. 120.
- ⁶⁹ АКАК, т. 8, с. 657—658.